

Валерий МИХАЙЛОВ

НАРКОМАНСКИЕ СКАЗКИ

@ЭЛИТА

18+

Валерий Михайлов
Наркоманские сказки

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Михайлов В.

Наркоманские сказки / В. Михайлов — Электронное
издательство "Аэлита", 2014

В сборник вошли юмористические повести «Тринадцать историй о Широчке» и «Самсунг, разрывающий Пастильву», написанные с весьма жёстким, циничным юмором. Название повести «Тринадцать историй о Широчке» говорит само за себя: в ней рассказывается о приключениях Широчки в мире изменённых состояний сознания. «Самсунг, разрывающий Пастильву» отсылает читателя к временам революции, гражданской войны и восстановления народного хозяйства.

© Михайлов В., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Тринадцать историй о Широчке	6
Широчка	6
Широчка и глюк	11
Широчка и санаторий	14
Широчка и президент	17
Широчка, коса и перелом	19
Широчка в деревне	22
Широчка и комсомол	24
Как хоронили бабушку	26
Лабораторная работа	28
Первое сентября	31
Волшебник страны ноль три	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Михайлов
Наркоманские сказки

© ЭИ «@элита» 2014

Тринадцать историй о Широчке

Широчка

Давно ли, недавно ли, далеко ли, близко ли, жила-была девочка Широчка. Была Широчка маленькой, худенькой, и разговаривала нараспев. Жила она с мамой, которая постоянно болела, а помогало маме только специальное бабушкино лекарство из маковой росы. Вот за лекарством и послала мама Широчку к бабушке, а заодно испекла для бабушки много-много вкусных пирожков.

Дорога же к бабушке проходила через лес.

Идёт Широчка по лесу, напевает песенку хриплым прокуренным голоском, по сторонам смотрит. В лесу столько интересного! Травка-муравка, цветочки, бабочки, птички поют... Всего и не перечислишь. Хорошо в лесу тёплым летним утром! Идёт себе Широчка, ни о чём не думает, кому думается в такую погоду? Вдруг выскакивает из леса страшный серый волк, и прямо на Широчку. Чуть с ног её не сбил. Пролетел мимо и скрылся в кустах. Широчка от страха тоже нырнула в кусты. Сидит, зубами стучит, глаза закрыла – сильно напугал её волк. А из леса тем временем выбежало много-много, больше десяти, мальчиков и девочек. Все в чёрных сандалиях, белых носочках, чёрных коротких штанишках и белых рубашках. На шеях красные косынки повязаны, в руках рогатки. Обступили кусты.

– Он там! Он там! – кричат, рогатками размахивают.

Из леса вышел ещё один мальчик, чуть постарше других. Тоже в чёрных сандалиях, белых носочках, чёрных коротких штанишках, белой рубашечке. На шее – такая же красная косынка, а в руке рогатка. На груди – значок в виде красной пятиконечной звезды с изображением лысого дяденьки с бородой.

– Отряд стройся! – крикнул мальчик командирским голосом.

Дети построились в одну шеренгу.

– Без команды не стрелять! Отряд! К борьбе с пережитком империализма, будь готов!

– Всегда готов! – ответили хором дети и сделали странный жест рукой, как будто хотели почесать себе лоб.

– Отряд, целься!

Все направили рогатки в кусты, где сидела Широчка.

– Не надо, не стреляйте! – взмолилась Широчка. – Я не порождение империализма, я за лекарством для мамы иду.

– А как тебя зовут, девочка? – спросил мальчик со значком.

– Широчка, – ответила Широчка и заплакала.

– Не плачь, Широчка, – сказал ей мальчик со значком, – мы – пионеры, а пионеры не обижают маленьких девочек.

– Так вы пионеры? – спросила Широчка, успокаиваясь.

– Я – Паша Раскумаркин, – ответил мальчик со значком, – а это мой пионерский отряд, – и все снова сделали знак ручкой.

– А что это вы руками делаете? – спросила, окончательно осмелев, Широчка.

– Это наш пионерский салют, – гордо ответил Паша.

– А зачем? – спросила Широчка.

– Давай я тебе лучше волшебный лес покажу, – предложил вместо ответа Паша.

– А ты можешь? – с сомнением в голосе спросила Широчка.

– Ты мне не веришь? – возмущился Паша.

– Честно говоря, не очень, – призналась Широчка.

- И напрасно, – обиделся Паша, – пионер никогда не врёт.
- Никогда-никогда? – удивилась Широчка.
- Никогда-никогда, – ответили пионеры и сделали салют.
- На, съешь волшебное печенье, – сказал Паша и протянул Широчке маленькое печенье.
- А ты? Я не могу одна.

Паша достал ещё печенье и положил себе в рот.

- Странный вкус у вашего печенья.

– Это вкус волшебства.

- И что теперь?

– А теперь ты должна вместе с нами спеть волшебную песенку, и волшебство начнётся.

Паша взмахнул рукой, и пионеры запели.

– ... Клич пионера: всегда будь готов! – подпевала Широчка, а сама думала: «Странное волшебство у этих пионеров».

Едва они допели песенку в седьмой раз, как лес действительно стал волшебным. Всё вокруг стало ярким, загадочным, странным. В воздухе завитала магия. Широчке вдруг ни с того ни с сего захотелось смеяться.

- А что у вас на шеях? – спросила вдруг она пионеров.

– Это красные галстуки – символ пионеров, – ответил Паша.

- А почему они красные?

– Хочешь, я сделаю тебе приятно? – спросил вместо ответа Паша.

– Мне уже приятно, – ответила сквозь смех Широчка.

– Тебе кайфово. Приятно – это другое, и даже лучше.

- Тогда сделай.

– Только тебе для этого придётся снять трусики.

– Я согласна, – сказала Широчка и начала снимать трусики.

Но не успела она снять трусики, как Паша стал вдруг серьёзным, лёг на травку, где стоял, и пустил струйку слюны изо рта.

- Что это с ним? – спросила Широчка пионеров.

– Это злой дядька Кондратий пришёл, – ответили пионеры.

– А говорил, что не врёт, – сказала обиженно Широчка, надела трусики и пошла дальше.

Шла она так, шла, и вышла на лесную полянку. «Вот здесь я и отдохну», – решила Широчка. Только она достала пирожок, как слышит, из кустов говорит кто-то ей жалобно:

– Девочка-девочка, дай пирожок. Христом-богом молю.

– Кто здесь! – вскрикнула испуганно Широчка.

– Не бойся меня, – сказал волк, выходя из кустов, – пожалей старого. Три дня ничегошеньки во рту не держал.

Посмотрела Широчка на волка и говорит:

– И вправду ты нестрашный. А хвост у тебя так даже смешной.

– Это не хвост, – смутился волк, но в лес не убежал.

– Присаживайся. Будем вместе обедать.

– Спасибо тебе, добрая девочка.

– Зови меня Широчкой.

– Спасибо тебе, добрая Широчка.

– А почему ты – гидра империализма? – спросила вдруг Широчка.

– Да какая я гидра. Старый больной человек. Пережиток, одним словом.

– А разве волки – это люди? – с сомнением спросила Широчка.

– Ну, хорошо, старый больной волк. Решил я на свою голову ревматизм полечить, по маковой росе покататься, да забрёл сдуру на полянку пионерскую. Помял им мак маленько. Так

они меня за это объявили порождением империализма, и дали пионерскую клятву искоренить любой ценой. Знаешь, почему у них на шее красные тряпки?

– Они сказали, что это галстуки.

– Галстуки... А почему они красные?

– Не знаю.

– Это символ макового цветка. У них всё красное: галстук красный, звёздочка красная, знамя красное, дедушка, и тот красный. Дедушка, кстати, красные грибочки в белую крапинку любил.

– Ну а Красную Шапочку зачем ты съел?

– Не ел я никакую шапочку! Даже конфеты. Они тут с бабулькой незаконно пушиной промышляли, а меня, так сказать, издержками производства подкармливали. Когда же в лесу запахло жареным, решили они меня убрать, как лишнего свидетеля. Наняли киллеров, по-вашему, браконьеров, а слух распустили для успокоения общественности. Всё равно меня никто слушать не станет. Да ты посмотри на меня. Куда мне старушатиной давиться? У меня от неё несварение будет. Стар я, а тут ещё нервы ни к чёрту. Стыдно сказать, темноты стал бояться.

Волк вытер непритворную слезу.

– Бедный ты бедный, – сказала ласково Широчка, и погладила боязливо волка по голове.

– Спасибо тебе, добрая девочка. Как бы мне хотелось сделать что-нибудь для тебя!

– Мне пионер Паша хотел сделать что-то приятное, но к нему пришёл Кондратий, и он уснул.

– Не говори мне о нём! – вскричал гневно волк. – Совсем от них житья нет!

– Хорошо, больше не буду.

– А ты хочешь, чтобы тебе сделали приятное?

– Хочу, – просто ответила Широчка.

– А можно мне сделать тебе приятное?

– Только не убегай. Хорошо?

– Не буду.

Но не успела Широчка снять трусики, как кто-то совсем близко протрубил в охотничий рожок.

– Это охотники! – крикнул волк и скрылся в лесу.

– И этот такой же, – грустно сказала себе Широчка, надевая трусики.

Тем временем из леса вышли два здоровых мужика в охотничьих куртках. В руках у них были здоровенные ружья.

– Где он? – грозно спросил первый охотник.

– Кто? – переспросила Широчка, глядя на охотников честными детскими глазами.

– Ты сама знаешь, кто.

– Вы говорите, как дяди и тётки из маминого сериала.

– Не понял? – удивился охотник.

– Задаёте дурацкие вопросы, вместо того, чтобы прямо спросить, что вас интересует.

– Где волк? Ты его видела?

– Волк?

– Мы знаем, что он был здесь.

– Была здесь какая-то собачка.

– Собачка?! Да ты знаешь, что эта собачка сделала с Красной Шапочкой и её бабушкой?

– Не-а.

– Покажи, – сказал первый охотник второму.

– Вот, смотри, – сказал тот и протянул Широчке конверт с фотографиями.

– А кто эти дяди и тётки? – спросила Широчка.

- Что? – не понял второй охотник.
- Кто они?
- Что ты ей дал? – строго спросил первый охотник.
- Да я что... – смутился второй охотник.
- Вы бы не ссорились, а сделали мне приятное. А то все обещают, а никто не делает, – миролюбиво сказала Широчка.
- Тебе? – удивились охотники.
- Не хотите?
- Конечно, хотим.
- Тогда я сниму трусики, только вы не убегайте.
- Ещё бы мы убежали.
- Только Широчка сняла трусики, как в лесу послышалась пьяная песня.
- Это егеря! Бежим! – с этими словами охотники скрылись в лесу.
- Чего это они все сегодня? – спросила сама себя Широчка, надевая трусики.
- А ну, руки! – сказал кто-то вдруг из кустов.
- Что руки?
- Подними руки!
- Пожалуйста, – сказала Широчка, поднимая руки.
- Стой спокойно, и никто не пострадает.
- Стою.
- Без глупостей, мы выходим.
- Это хорошо, что вы выходите без глупостей, – согласилась Широчка.
- Из кустов вышли, шатаясь и поддерживая друг друга, трое мужчин в камуфляжной форме и с автоматами в руках.
- Где они? – крикнул Широчке прямо в ухо мужик с самым большим животом. Наверное, старший.
- Кто они?
- Ты нам не тут! Нам с тобой не туда! Ты нам зубы не строй! Отвечай, куда тебе говорят!
- Я отвечу, куда хотите, только не надо так орать, – взмолилась Широчка.
- Где охотники?
- За собачкой пошли.
- Куда?
- Туда, – Широчка махнула рукой в первую попавшуюся сторону.
- Сколько их было?
- Двое.
- Оружие?
- Ружья.
- Петро, за мной, а ты, Никола, оформи здесь всё, чтобы комар жопу не проточил.
- Так, – сказал Никола, когда они остались с Широчкой одни, – Фамилия?
- Что?
- Фамилия... Ну, как тебя зовут?
- Широчка.
- А где ты живёшь?
- В деревне за лесом.
- А в лес погулять зашла?
- Меня мама послала к бабушке за лекарством.
- Вместе с охотниками?
- Зачем с охотниками? Охотники из леса пришли. Про собачку спрашивали. Хотели мне приятное сделать, да вас испугались и убежали.

- А можно, я сделаю тебе приятное?
- Конечно можно. Только пообещай, что не исчезнешь, когда я сниму трусики.
- Честное егерское!

Но только Широшка сняла трусики, как небеса разверзлись, и оттуда спустилась белая-белая, горячая-горячая тётя.

- Я твоя фея, – сказала она Николе, – пойдём.
- Она взяла его за руку, и они растворились в воздухе.

– Ну и чудеса! – удивилась Широшка, собрала свои вещи и пошла дальше. А идти-то оставалось совсем чуть-чуть.

- Какой прелестный глюк! – сказала бабушка, когда Широшка вошла в дом.
- Я не глюк, я Широшка, – обиделась Широшка.
- Ладно, будь Широшкой, если тебе так хочется. Всё равно с глюками спорить без толку.
- Мама тебе пирожков передала и просила немного твоего лекарства на маковой росе.
- Возьми в погребе, только всё не бери. Я чегой-то и сама расхворалась, – с этими

словами бабуля впала в глубокий транс.

- Ещё одна, – сказала себе Широшка.

Она быстренько спустилась в подвал, взяла бутылочку лекарства и отправилась в обратный путь. Но едва избушка скрылась из вида, как перед Широшкой возник здоровенный детина в чёрной шапке-маске на голове.

- Стой, стрелять буду! – истошно завопил он.
- Ой, не надо стрелять, я и так вам всё отдам, только у меня ничего нет, – испугалась Широшка.

- Документы!
- А зачем грабителям документы? – спросила Широшка.
- Я не грабитель, – обиделся детина, – я милиционер, капитан Отморозков.
- А где ваши отморозки? В засаде?
- Почему сразу отморозки?
- Вы же сами сказали.
- Хорошо мне тут зубы заговаривать. Документы.
- У меня нету.

– План?

– Какой план?

– У меня операция план-перехват. Давай сюда весь свой план.

– А у меня нет плана, – ответила грустно Широшка, которой вдруг стало жалко милиционера. – Но вы можете сделать мне приятное, – добавила она.

- Я на службе, – с сожалением в голосе ответил Отморозков.
- Тогда проводите меня до дома. Здесь недалеко, а дома мы вам план найдём.
- Точно?
- Пионеры не врут, – почему-то сказала Широшка.
- Ну, пойдём, если не врешь.

Дома все обрадовались Отморозкову. Напоили его чаем, накормили кашей и молоком, а потом сделали ему приятное. Все, кроме Широшки. Широшку уже уложили спать. Так Широшка осталась без приятного.

Широчка и глюк

– Проснись, Широчка, негоже спать в такую чудную ночь, – услышала Широчка сквозь сон и проснулась.

– Ой! – вскрикнула она. И было от чего вскрикнуть. Рядом с кроватью сидел мягкий пушистый зверёк, который с ней и разговаривал. Зверёк был весьма потешный: острая мордочка точь-в-точь как у учителя математики, кошачьи усики, беличий хвостик, и тело, как у маленького смешного человечка с пухленькими ручками и ножками. Широчка никогда раньше не видела подобных зверей, поэтому спросила:

– Ты кто?

– Я – Глюк, – ответил зверёк, – вставай, Широчка, сегодня ночь эротических кошмаров, айда смотреть.

Широчкина мама недавно купила видеомэгнитофон, поэтому Широчка хорошо знала значение слова «эротический».

– Пойдём, пока не пропустили самое главное, – не унимался Глюк.

– А куда мы пойдём? – поинтересовалась Широчка.

– Пойдём к попу. У него сегодня долгий приход.

– Пойдём, – согласилась Широчка и села на кровати.

– Ты куда? – спросил её Глюк.

– Ты же сам говоришь, пойдём.

– Да, но я приглашаю тебя в сон, а в сны ходят по волшебной дорожке.

– Ну, хорошо, по волшебной, так по волшебной, – согласилась Широчка.

– Тогда съешь волшебное печенье, ляг поудобней в кроватьку и повтори тридцать три раза волшебное слово «криптозоология».

– А что это такое?

– Не знаю. Волшебные слова очень часто имеют только волшебный смысл.

Широчка сделала всё, как сказал Глюк, и они оказались в тусклой комнате с железной кроватью и двумя тумбочками. На кровати сидел небритый мальш в майке, увешанной значками и медалями, трусах и солдатских сапогах. Он курил сигарету и хлебал одеколон «Шипр» из железной солдатской кружки.

– Здравсте, – сказала воспитанная Широчка.

– Он тебя не видит и не слышит, – сказал Широчке Глюк. – Смотри, сейчас начнётся.

Солдат тем временем докурил сигарету, бросил окуроч на пол, раздавил сапогом («вот так и с врагами Отечества», – подумала Широчка) и громовым голосом крикнул:

– Отче!

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал поп.

– Мамочка родная! – вырвалось у Широчки.

Поп был в белом женском парике, короткой, едва прикрывающей тошую задницу рясе, чёрных колготках и высоких чёрных сапогах. Лицо было размалёвано, как у проститутки.

– Слушаю вас, Пал Палыч.

Только после этих слов Широчка узнала в солдате повзрослевшего пионера Пашу.

– Вот те на! – всплеснула руками Широчка.

– Не бери в голову, это сон.

– Докладывай, – приказал Паша попу.

– Хэбэ постирал, воротничок пришил, автомат почистил.

– Ладно, подь сюды. Заслужил.

Поп стал на четвереньки и чуть ли не на брюхе пополз к Паше. Паша прямо из воздуха (во сне бывает всё) извлёк большую кожаную плётку и начал стегать попу.

– О, да, повелитель, наказывай, повелитель! – скулил поп голосом до отвращения похожим на пресняковский.

– Ладно, на сегодня хватит. Оближи мне теперь сапоги.

– Благодарю тебя, повелитель! – снова взвыл пресняковским голосом поп и принялся лизать сапоги солдату Паше.

– Ладно, до дыр пролижешь. Вылижи лучше пол, а то я тут насорил малёхо.

– Слушаюсь, повелитель!

Поп принялся лизать пол у Пашиных ног, проглатывая, не жуя, окурки.

– А это тебе, чтобы не всухомятку, – с этими словами Паша смачно плюнул на пол.

– Благодарю тебя, повелитель, – особенно мерзко проблеял поп, слизывая плевков.

– Ладно, а теперь можешь снять с меня сапоги и понюхать портянки.

Поп взвыл что-то нечленораздельное, стащил сапоги и, уткнувшись лицом в портянку, полной грудью втянул аромат солдатских ног.

– Фу, какая гадость! Не хочу больше этого видеть, – возмутилась Широчка, которой стало противно, а совсем не интересно.

– Надо сказать новое волшебное слово, и мы окажемся в другом сне, – сообщил ей Глюк.

– Давай быстрее слово, иначе меня стошнит.

– Гомоопатия.

– Гомоопатия? – переспросила Широчка и очутилась в каком-то парке возле полосы препятствия.

– Где мы? – спросила Широчка.

– Во сне капитана Отморозкова.

– Он что, тоже? – удивлённо спросила Широчка.

– Не обязательно. У каждого свои сны. А вот и он.

Отморозков бодро шагал к полосе препятствий, ведя на поводке престранного субъекта, шкандыляющего рядом на четвереньках. Это был здоровенный толстяк в милицейской форме с полковничьими погонами. Он был настолько толстым, что периодически цеплял животом землю, от чего форма стала особенно грязной.

– Кто это? – спросила Широчка у Глюка.

– Полковник Конь. Начальник Отморозкова.

– Конь, а ведёт себя, как собака.

– Это называется секс по-милицейски. Сейчас Отморозков будет его трахать.

– Что, прямо здесь?

– Смотри.

Прибыв на место дислокации, Отморозков отвязал Коня и разрешил немного побегать. Конь с радостным кашлем, который должен был символизировать весёлый залиvistый лай, бросился к кустам, откуда послышалось внушительное журчание.

– Ко мне! – крикнул через несколько минут Отморозков.

Конь шумно выбрался из кустов, и во всю прыть, на которую был способен, побежал к хозяину.

– Апорт! – Отморозков забросил палку чуть ли не на противоположный конец парка. Они несколько минут поиграли с палкой, затем Отморозков сделал большой глоток из появившейся чудесным образом бутылки водки, закурил сигарету, после чего сказал Коню, недобро улыбаясь:

– А теперь мы с тобой немного позанимаемся. Ползи.

Они вдруг оказались возле здоровой грязной лужи.

– У меня здоровье слабое, – взмолился Конь человеческим голосом.

– Ползи, урод! – Отморозков профессионально двинул Коня носком ботинка прямо по копчику. Конь взвизгнул, плюхнулся на живот, и пополз, что раненый бегемот.

– А теперь барьер, – приказал Отморозков, когда Конь переполз через лужу.

– У меня давление, сердце, – жалобно взмолился Конь.

– Подсадить? – ехидно спросил Отморозков, и Конь, жалобно скуля и проклиная жизнь, принялся карабкаться через забор.

– Отставить! – рявкнул Отморозков после очередной неудачной попытки Коня, – Я вижу, ты без помощи не справляешься. Ладно.

Отморозков соорудил на поводке затягивающуюся петлю, накинул на шею Коня, а другой конец перекинул через барьер.

– Ты будешь лезть здесь, а я буду тянуть тебя там, – сказал довольный собой Отморозков.

– Пошли отсюда, – сказала Глюку Широчка. – Не люблю, когда обижают животных, даже если они полковники милиции.

Пионер Паша самоотверженно мастурбировал на огромный цветной портрет Ленина, и Широчка, посмотрев немного, захотела перейти в следующий сон.

На этот раз они оказались в огромной, в стиле Людовика какого-то, зале, посреди которой стоял шикарно сервированный стол. Заиграла музыка, и зала начала наполняться одетыми в дорогие смокинги и фраки волками. Последними в залу вошли знакомый волк и...

– Да это же я! – воскликнула Широчка.

Широчка шла в великолепном вечернем платье с разрезом, и красивых туфельках на высоких каблуках. Волк был сама любезность. Остальные волки трижды прокричали «ура», и пир начался. Настроение Широчке не испортило даже главное блюдо – пионер Паша, запечённый с яблоками. К тому же он оказался настолько вкусно приготовлен, что Широчка съела с удовольствием целых три куска, хотя не считалась обжорой.

Широчка навсегда хотела остаться в этом сне, но действия волшебного печенья кончилось, и ей пришлось возвращаться.

Широчка и санаторий

Летом Широчка, как и все пионеры (а Широчка вступила в пионеры) поехала в детский санаторий районного значения. Была она уже большой девочкой, поэтому попала в первый отряд к Евгении Ахриповне Нечепуряк – заслуженной воспитательнице с большим педагогическим стажем работы.

– Добро пожаловать в наш замечательный санаторий, – начала Евгения Ахриповна свою речь на первом построении отряда. – Начиная с сегодняшнего дня вас ждёт масса увлекательных, интересных, а главное, полезных для вашего здоровья мероприятий. Это и трёхразовое питание, это и медицинские мероприятия, это и экскурсии, и многое, многое другое. Наш санаторий называется детским потому, что он принадлежит вам, детям, – она сделала паузу, достала папиросу, не сигарету, а именно папиросу, закурила, сделала глубокую затяжку и совершенно другим голосом рявкнула, что было сил: – Но если хоть одна падла посмеет испортить мне образцовую смену, я вам, блявёнышам, так настучу по голове, что вы домой дураками вернётесь! Всем ясно? – она бросила папиросу на землю, затушила ногой, и продолжила ласково: – Ну а если вам всё понятно, позвольте повторить: Добро пожаловать.

В общем, лагерь был как лагерь, но кое-что надолго запомнилось Широчке.

Это произошло в конце тихого часа. В Широчкин отряд пришла тётя в белом халате и приказала всех построить.

– Здравствуйте дети, – сказала она. – Меня зовут Елена Александровна. Я буду делать вам манду.

– Всем? – спросила Широчка.

– Всем, – ответила Елена Александровна.

– И мальчикам, и девочкам?

– И мальчикам и девочкам.

– А у кого уже есть?

– Тебе уже делали?

– Да.

– Давно?

– Когда родилась, наверно.

– А надо каждый год.

– Зачем?

– Не задавай глупых вопросов. Давай руку.

– Зачем?

– Манду делать.

– На руке?

– Нет, на голове, – зло сказала Елена Александровна.

– Давай быстрее руку, пока каблуком по голове не получила, – вмешалась воспитательница в разговор.

Делать было нечего, и Широчка закатала рукав. Елена Александровна достала шприц и вколола немного лекарства Широчке под кожу.

– И всё? – с лёгким разочарованием спросила Широчка.

– Всё, а через три дня будем смотреть манду.

– На руке?

– На руке.

Широчка представила себе манду на руке и тяжело вздохнула. Но никакой манды у неё на руке не появилось, а так, слегка покраснело, и всё.

Другим незабываемым событием в жизни Широчки была встреча с психом-терапевтом. Широчка так и не поняла, почему терапевт был психом. Терапевт как терапевт. Всех детей собрали тогда в большом уютном кабинете, усадили в мягкие удобные кресла и приказали сидеть тихо. Не успели они как следует расшуметься, как в кабинет вошёл дородный мужчина в мятом белом халате.

– Здравствуйте. Меня зовут Зигмунд Юнгович Перлз. Я психов-терапевт. Сегодня у нас с вами будет психов-терапевтический сеанс. Сядьте удобно, расслабьтесь.

Зигмунд Юнгович говорил тихим вкрадчивым голосом, будто собирался одолжить деньги у всех сразу.

– Расслабляем руки, ноги, спины, животы, груди...

Мальчики захихикали, а девочки принялись трогать себя за груди.

– Отставить! – рявкнул Зигмунд Юнгович. – Сейчас я кое-что вам покажу.

С этими словами он открыл шкаф и достал длинную толстую палку, похожую на указку, только намного длиннее.

– Это – мой психотерапевтический кий, которым я терапевтирую по голове любителей смеяться. Вам понятно? А теперь сядьте удобно и расслабьтесь.

Когда терапевт вновь дошёл до расслабления грудей, мальчишки вновь захихикали, и по их головам заплясал кий.

– Теперь расслабляем дыхание. Дыхание становится ровным, спокойным. Вслед за дыханием автоматически успокаивается сердцебиение, мысли, чувства. Мысли становятся ватными, туманными. Туман становится всё гуще и гуще. Но это не простой туман. Он проникает в ваши тела, разъедает их, растворяет, как горячая вода растворяет снег.

Кто-то совсем рядом с Широчкой пукнул знатным чесночным пуком, и Широчке захотелось убраться как можно дальше, но чесночный пук начал проникать в её тело, растворять, разъедать, превращать Широчку в чесночный густой туман.

– Но вот появились солнечные лучи, заставившие туман рассеяться, подняться вверх, в небо, и вы превращаетесь в облака.

«Наконец-то», подумала Широчка и устремилась вверх, подальше от чесночного зловония. Широчке стало вдруг настолько хорошо, что она на какое-то время забыла про психотерапевта.

– ... и вы проливаетесь каплями дождя, – услышала она вновь. – Вы орошаете землю, и на ней будут расти цветы, вы барабаните по крышам, вы падаете на асфальт, и вот уже первые лужи...

Широчка, повинувшись терапевту, с грохотом рухнула с поднебесной высоты на бетон с такой силой, что превратилась в маленькую лужу и потекла ручейком к ближайшей речке.

– Мама, мама, я хочу писать, – Широчка протекала мимо молоденькой мамы с мальчиком лет пяти.

– Посмотри, Андрюшенька, какой миленький ручеёк! – сказала мамочка сыну. – Он будет просто счастлив, если ты в него пописаешь.

– Что за извращенский бред! – возмутилась Широчка и всеми силами попыталась течь дальше, но зловредный карапуз вытащил свой отросток и радостно поливал Широчку, стараясь попасть в рот.

– Ваши воды смешиваются, – продолжал говорить психов терапевт, и воды Широчки начали смешиваться с водами, подаренными мальчуганом, от чего Широчку чуть не вырвало, но она вовремя впала в речку, по которой, как машины по Садовому кольцу в час пик, плыли пароходы. Не успела она передохнуть, как из-за поворота показалась ватага мальчишек с камнями в руках.

– Я дальше! Я дальше! – кричали они и бросали в Широчку камни.

– Больно же, дураки! – обиделась Широчка и поспешила к морю.

Море грелось на солнышке, выставив огромный живот.

– Море-море, я хочу в тебя впасть, – крикнула что есть сил Широчка.

– Впадай, – меланхолично ответило море.

– Куда? – спросила Широчка.

– А хотя бы сюда, – сказала море, и перед Широчкой возникла огромная старческая задница.

– Нет, только не это! – закричала Широчка, но было поздно. Неведомая сила подхватила Широчку и стремительно втянула прямо в задний проход. Когда же Широчка выбралась на поверхность, она стала океаном и омывала Землю. Земля грустно лежала на мраморном столе, а вокруг неё суетились люди в забрызганных кровью и мозгами белых халатах. Они резали, пилили, сверлили, засовывали руки по локоть в чрево Земли, из которого обильно сочилась смесь нефти, крови и испражнений. Широчка должна была всё это омыwać из пожарного шланга, но ей стало дурно, и она впала в космос. Космос был старым, холодным и дурно пахнущим чуланом, правда, очень огромным. Не успела Широчка осмотреться, как некто приставил к её голове пистолет и весело спросил:

– Масло «Крестьянка». Будешь?

Широчка испугалась и открыла глаза. По её ногам текло что-то тёплое.

– А это ещё что? – спросил псих и терапевт, показывая пальцем куда-то под ноги Широчке.

Она посмотрела вниз и увидела у себя под ногами большую лужу.

– Что это? – зло повторил псих.

– Вы же сами говорили: дождь, река, море... – грустно ответила Широчка.

Широчка и президент

Это лето выдалось для Широчки очень запоминающимся. Она вступила в пионеры, побывала в детском санатории и даже видела Президента, причём не понарошку, как все, сидя у телевизора, а взаправду, когда он приезжал посетить Президентский дурдом.

Когда-то давно, тогда Широчка была совсем маленькой, вся страна тоже горячо любила Президента, но находились люди, которые любили Президента недостаточно сильно, и их за это сажали в тюрьмы и заставляли тяпать тайгу. Шли годы, президенты сменяли друг друга. Одних любили больше, других меньше, но всегда находились люди, желающие потяпать тайгу за государственный счёт. И вот появился новый, особо любимый всеми Президент, который пожалел то ли тайгу, то ли государственный счёт, но своим указом всех несчастных, которые так и не познали священной любви к Президенту, приказал считать больными людьми. И верно, только безумец способен не любить Президента! Для них построили лечебницу, где в тепле и достатке они могли спокойно клеить коробочки на благо своей необъятной Родины. Новый Президент был настолько добрым и демократичным, что следующим указом разрешил оппозицию, которая принялась критиковать партию власти за недостаточную, по мнению оппозиции, любовь к Президенту.

Этим летом Президент решил посетить лечебницу для душевно больных, которая находилась в городе, где жила Широчка. Широчке вместе с другими пионерами выпала честь бежать за лимузином Президента. Задолго до этого знаменательного события их начали тренировать, как олимпийскую сборную страны, и даже кормили специальными спортивными таблетками, от которых пионеры бежали особенно резво. К приезду Президента организовали субботник, на котором побелили все дома, вымыли и покрасили все парадные, бомзам и нищим выдали новые парадные лохмотья и организовали для них бесплатное питание, чтобы они не ворошили образцово-показательные помойки, созданные специально к приезду Президента. Деревья побелили, дорожки вымыли, а асфальт начистили сапожным кремом, чтобы выглядел, как новый. Проституток на время визита назначили школьными учителями и воспитателями детских садов, а вместо них на панель выпустили особо достойных сотрудниц службы безопасности. Город был готов к встрече высокого гостя.

И вот решающий день наступил. Детей собрали засветло, несколько раз прогнали за макетом лимузина, несколько раз проверили парадную пионерскую форму, транспаранты и флаги. Учителя и представители администрации съели по пузырьку валидола и запили неразбавленной валерианкой. Сотрудники безопасности ещё раз проверили весь президентский путь.

Наконец кортеж Президента появился за поворотом.

– Пошли, – сказал представитель администрации, и дети выскочили из укрытия и построились к Президентскому лимузину к всеобщему недовольству охранников. Недавно прошёл дождь, и от обилия сапожного крема дорога стала скользкой. Бежать было трудно, во-первых, потому, что лимузин ехал слишком быстро даже для настоящих тренированных пионеров, во-вторых, мешали флаги и портреты Президента, к тому же приходилось кричать УРА и СЛАВА ПРЕЗИДЕНТУ. Но ничто не могло омрачить радость близости Президента.

– Ой! – вскрикнул вдруг пионер Коля, поскользнулся и упал. Его косточки весело хрустнули под колёсами машины охраны. Он даже не успел прокричать УРА ПРЕЗИДЕНТУ.

– Какой бессовестный мальчик! – возмутилась завуч по внеклассной работе. – Уронить портрет Президента в грязь!

А лимузин уже стоял перед главным входом в Президентский дурдом, уже открылась дверца автомобиля, уже появилась нога президента, и тут случилось то, чего никто не мог предвидеть. Журналисты ринулись с микрофонами и телекамерами к Президенту, и охране ничего не оставалось, как открыть огонь. Журналистов было немного, и охрана управилась быстро.

Мгновенно убрали тела пострадавших, но дорожка! Она была испачкана кровью! Ответственные работники оптом попадали в обморок, но Президент сделал вид, что ничего не случилось. Он решительно покинул лимузин, поприветствовал свой народ кивком головы, и, пройдя по залитой кровью дорожке, вошёл в лечебное заведение.

Так Широчка увидела Президента.

Широчка, коса и перелом

Так случилось, что Широчка вместе с другими пионерами записалась «на мотокружок». Конечно, первое время они убирали помещение, чинили мебель, возрождали из пепла единственный мотоцикл кружка, который давно превратился в бранные останки.

– Ничего, – сказал руководитель кружка, – лёгкий ремонт – и он будет, как новый.

Лёгким ремонтом оказалась замена рамы, двигателя, шасси, бака и прочей мелочи, которую можно и не перечислять. Причём возродить железного коня из пепла пионерам пришлось за свой счёт. Кружок работал на общественных началах, а общественные начала, как известно, за пивом не пошлешь.

Наконец, конь стал, как новенький, и пионеры, подобно акробатической пирамиде, кинулись на него все разом, как только он завёлся. Мотоцикл рывкнул, рванул, сбросил с себя пионеров и благополучно заглох. Благополучно для всех, кроме Широчки. Широчка же повредила ногу, да так, что в больнице ей наложили гипс от бедра и до щиколотки. Наложили и отпустили домой, в школу, чтобы, значит, уроки не прогуливала.

С одной стороны, с гипсом хорошо: учителя меньше цепляются, бабушки в автобусе место уступают, одноклассники смотрят с уважением, она, вон, уже и с мотоцикла упасть успела, а они и паровоза ни разу не видели, разве что папиросного.

С другой же стороны... Ни одеться, ни обуться, а уж о том, чтобы с удовольствием сходить в туалет, и речи быть не могло. Какое тут удовольствие, если нога в коленке не сгибается. Дома ещё ничего, правда, нога в туалет не вмещалась, и приходилось всё делать с открытой дверью, а вот в школе или в больнице... Попой на общественный унитаз не сядешь – попа не казённая, в отличие от унитаза, а казённые унитазы на своём веку повидали такое, что напиши хоть один из них мемуары, бестселлер бы вышел.

Надо всё делать на присядках. А какие присядки, если одна нога в коленке не гнётся? Правильно, пистолет. Почему пистолет? Да потому, что хоть стреляйся, если тебе в таком состоянии где-нибудь в публичном месте какать захочется. У Широчки же коса, как назло, отросла почти до пола, и каждый раз, когда Широчка вот так на пистолете корячилась, коса норовила оказаться в унитазе, словно мёдом ей там намазано. Намазано там, кстати, было, но только не мёдом, откуда взяться мёду в общественном унитазе? И приходилось Широчке каждый раз после туалета голову мыть. Хоть плачь. Пришлось даже подстригаться – угораздило Широчку жвачку проглотить. Так что день, когда ей обещали снять гипс, был для Широчки долгожданным, как Новый год.

Едва дождавшись утра, Широчка ворвалась в процедурную, забыв постучать. Медсестра Марина была занята. Она стояла на коленях перед доктором Боровым, и что-то рассматривала с очень близкого расстояния у него в штанах. Что именно так привлекло её внимание, Широчка не видела, так как Боров стоял к ней спиной.

– Тебе чего? – спросила Марина, облизывая губы.

– Гипс снять.

– Погуляй с полчаса, – сказал Боров Широчке и, обращаясь к Марине: – Продолжайте, сестра.

Делать было нечего, и Широчка пошла гулять по больнице. Конечно, Широчка могла бы решить, что больница похожа на полигон для съёмок нового фильма Тарковского, но Широчка Тарковского не смотрела, поэтому ничего такого в голову ей не пришло. Больница была старой. В прошлом году её, правда, ремонтировали. Средств выделили достаточно, и кроме нескольких новых дач, построенных узким кругом должностных лиц, кое-что сделали и в больнице. Больница же вела себя как привередливый больной, отторгающий пересаженный орган. Краска с фасадов смывалась дождём, линолеум линял, обои поднимались шубой, а новые канализа-

ционные трубы плакали на стыках. Где-то голодно мяукала кошка – сегодня не операционный день. В палате, за закрытой дверью, бубнил знакомый голос.

– Николай Навахудоносорович? – заглянула в палату Широчка.

– А, Широчка, заходи.

Капитан Отморозков покоился на особом медицинском сооружении, напоминающем гинекологическое кресло. Его огромное красное достоинство было выставлено на всеобщее обозрение.

– Николай На... товарищ капитан, вы-то как?

– А он фамилию меняет, – сказал мужик, загипсованный в виде стола. На его спине шла игра в карты, – На Ошпаркина.

– Ошпарились? Как вы так?

– Да вот так. У меня газовая колонка дома. Решил я, значит, свою гордость помыть, а перед этим мыл посуду. Ну и газ не сразу погас. Открываю я кран, и гордость свою туда. Поначалу, пока холодная из труб шла, даже хорошо было, потом кипяток пошёл. Хорошо ещё успел отпрыгнуть.

– Это ещё что, – перехватил инициативу человек-стол. – Ко мне недавно племянница с сыном приезжали. Ещё в школу не ходит. Так он что учудил? Решил в курятник, на кур пописать. Просунул писюн в сетку и целится. Петух увидал такое дело, да как клюнет! Пришлось скорую вызывать.

– А я в детстве любил на живность писать, – снова взял слово Отморозков. – Камнями там или из рогатки я их не обижал, но плюнуть или пописать – это верх кайфа. Один раз так невесты лишился.

– Перепутал с котом? – спросил один из играющих.

– Разговорчики! – возмутился Отморозков. – Сейчас арестую тебя за азартную игру в общественном месте, будешь знать.

– Одна у вас, ментов, совесть, да ты и ту ошпарил.

– Дай рассказать, – вмешался человек-стол.

– Так вот, иду я к ней с цветами, шампанским, как положено. Смотрю, а возле подъезда кот сидит. Домашний такой, чистый, красивый. Ну, как тут пройти мимо? Расстёгиваю штаны и к нему, а он, гад, отошёл на пару метров и опять сел. И так он от меня минут двадцать бегал. И ведь не убегает, гад, а словно специально дразнит. Я за ним, как был, в костюме, с цветами и концом наружу по всему двору. Невеста же моя с матерью на балконе курили.

– А я один раз чуть одноклассника без жены и детей не оставил, – перенял инициативу человек-стол. – Надо сказать, что был он тощим, жёлтым и болезненным, зато член у него был богатырский. Вся сила в корень ушла. А возле головки бородавка. Ну, прям член на члене. Словно кактус почкующийся. Набрели мы как-то с пацанами на склад, а там диски для болгарки. Начали мы их пускать. Тут я ему по концу и запустил, так он аж на два метра подпрыгнул. Снимает штаны, а конец, как яблоко, круглым стал. Ну ничего, обошлось.

– А я себе как-то креслом яйца прищемил, – сказал ранее молчащий игрок номер два.

– Это как же тебя угораздило? – спросил игрок первый.

– На концерте. Садился на кресло и прищемил. Сам удивляюсь, как. Но синяк потом был знатный.

Разговор, наверно, продолжался бы целую вечность, но в палату ворвалась дежурная медсестра, как две капли воды похожая на Тайсона.

– Вы совсем, что ли, трам-тарарам! – начала она с порога. – Вы какого... Канарейкина с растяжки сняли?

– Да мы подумали, чего ему на цепях висеть, только зря время тратить, а тут стол из него первый класс! – ответил игрок номер один.

– Да вы... – захлебнулась она. – А ты, девочка, что здесь делаешь?

– Мне гипс...

– Домой иди, нет их никого, на совещании, – пахнула она перегаром на Широчку. Так Широчка и осталась в гипсе. Нет, не на долго, придя домой, она его сняла.

Широчка в деревне

Широчка проснулась около десяти. Почему около десяти? – спросите вы. Да потому, что у Широчки начались самые лучшие в мире летние каникулы, и Широчка уехала в деревню, к бабушке и дедушке. Несмотря на то, что деревня находилась в трёх автобусных остановках от города, это была самая настоящая деревня с домами с печным отоплением, колодцами во дворах, (несмотря на давно проведённые водопровод и газ) коровами, козами, свиньями, утками и целой кучей бабушек и дедушек. Наверно, для всех горожан здесь можно найти подходящих бабушку с дедушкой, чтобы приехать к ним на каникулы или просто в гости. Так, по крайней мере, думала Широчка.

Широчка открыла глаза, поиграла немного с солнечным зайчиком и бодро встала с кровати. Залёживаться некогда: её ждал полный впечатлений большой летний день. Первым делом Широчка села на ночной горшок, который жил под кроватью. Широчка всегда какала по утрам, при этом её лицо приобретало выражение особой одухотворённости, прямо святая дева, узревшая лик Господа.

Всканув от души, Широчка встала и внимательно осмотрела содержимое горшка.

В соусе свежей девичьей мочи покоилась большая мягкая рыхлая какашка. Широчка специально ела по вечерам сырую морковку, чтобы какашка получалась, как надо. Сегодня какашка ей особенно удалась, и Широчка замурчала тихонько песенку от удовольствия. Широчка могла любоваться своими какашками целую вечность, но впереди было много дел, и она со вздохом поставила горшок на небольшой столик. После этого Широчка принесла из кухни кружку с водой и скалку, которой бабушка толкла картошку. Скалкой Широчка принялась толочь какашки, ловко разбавляя водой из кружки. Наконец в горшке образовалась смесь нужной консистенции, и Широчка обошла с горшком все бабушкины цветочки, поливая их полученной смесью. Широчка всегда поливала цветы какашками, и они росли большими-пре-большими.

Теперь можно умыться и погулять до завтрака.

Не успела Широчка отойти от дома и на десять шагов, как перед ней предстала весьма любопытная картина. Капитан Отморозков, заехавший, видать, в гости к своим бабушке и дедушке, совершал арест козы. Звали козу Роза Люксембург, и принадлежала она бабе Даше. Отморозков пытался нацепить наручники на козы рога, коза же бляяла, вырывалась, норовила боднуть, в общем, всячески оказывала сопротивление при аресте. Баба Даша стояла рядом, и голосила, как на похоронах или на проводах в армию.

– За что вы её, товарищ капитан? – спросила Широчка.

– Оскорбляет, зараза, при исполнении, так сказать.

– И как же она вас оскорбляет?

– Мееееент, – проблеяла вдруг коза с явным негодованием в голосе.

– Вот видишь.

– Да ну, товарищ капитан, это у неё язык такой, как английский. Э бёт у них значит птица, импОтент – важный, а хэппи пёзды ту ю – совсем не о счастливых женщинах. Если же вы предложите американцу сок, то он вообще обидеться может.

– Это как вороны, – поддержал разговор Отморозков, – у нас дома черешня росла. Так они облепят её и сидят, лакомятся. А бывало, как начнут кричать: кар, кар, кааавр, кааа..., захлёбывается, будто ей полный рот накончали. Я сначала так и думал, а потом смотрю, рот, как рот. Никакой эротики.

– Так и коза. Может, она совсем не то имела в виду.

– И то может быть, – миролюбиво согласился Отморозков, – но на всякий случай протокол составить надо.

Чем всё это закончилось, Широчка так и не узнала. Бабушка позвала кушать. Пришлось возвращаться домой.

На завтрак была пюрешка с котлетками. Картошка приятно отдавала пряным запахом Широчкиных кашек, и Широчка съела целых три порции.

После обеда бабушка попросила Широчку отнести деду Напасу маковой росы, а то он третий день как хворает. Дед Напас жил недалеко, да и Широчке нравилось бывать у него в гостях, пить чай с волшебным печеньем и слушать рассуждения о национальной идее. Дед Напас был помешан на идее русской нации.

– От них всё зло, от иностранцев всяких. Испокон веков наезжали к русскому двору всякие немцы-французы. Понаедут де Билы с Кретьянами, понаделают нам Педров с Гомесами, а от них потом вся зараза...

Дед Напас всамделишно был хворым. Он сидел за столом, курил длинные-предлинные папирсы, надолго проглатывая дым.

– О чём хвораешь, дедушка? – спросила Широчка ласковым голосом.

– Да всё о ней, об идее русской. Всё о ней моё сердце обливается кровью.

– И что ты о ней думаешь?

– Бабы мы, все как есть, бабы. А всё потому, что вскормлены молоком бабым.

– Так другого не бывает.

– Ещё как бывает. Наше, мужицкое молоко. Оно и вкуснее, и питательнее.

– Никогда не пробовала, – призналась Широчка.

– А ты попробуй, – предложил дед Напас. – Хочешь?

– Да можно немного.

– Только тебе самой его придётся надоить.

– Ну ничего. Где оно у тебя?

– Здесь, – Напас гордо вывалил богатырское наследство. – Только доить надо губами.

– Губами так губами.

– Не доится, – сказала Широчка Напасу после нескольких секунд доения.

– Ты дои, дои, оно не как у коровы, оно потом всё сразу, в рот, а ты смотри, чтобы всё проглотила.

– Я устала, – взмолилась Широчка через какое-то время.

– А ты себе рукой помогай, вот так, – дед Напас ловко показал Широчке, как надо делать.

Наконец Напас как-то вдруг хрюкнул и затрясся мелко-мелко, а Широчкин рот наполнился густой, слегка солоноватой жидкостью.

– Всё? – спросила Широчка у Напаса, но к тому пришли Осип с Кондратием, и он ничего не ответил.

– Ужинать будешь? – спросила бабушка, когда Широчка вернулась домой.

– Не а. Меня дед Напас молоком угощал. Своим, мужицким.

Широчка и комсомол

Всё когда-то кончается, как сказал старик Гераклит, отправляя пустую бутылку в авоську с тарой. Потом, правда, по пути в пункт приёма стеклотары он изрёк, уже прилюдно: «Всё меняется», благодаря чему и вошёл в историю.

Закончилась Широчкина пионерская пора. Пришло время вступать в комсомол. Широчка волновалась, как никогда, несмотря на то, что поручился за неё не кто иной, как Паша, ставший к тому времени секретарём комсомольской организации в школе. К тому же Паша состоял членом комиссии, которая и принимала в комсомол.

Перед дверью секретаря горкома комсомола, кроме Широчки, стояло ещё пять человек: здоровенный детина, постоянно пускающий струйку слюны на свежестыранную рубашку, шустрик, отпускающий смачные подзатыльники детине после каждой струйки, две неприличного вида девицы, нервно курящие сигареты, одну за другой, и опрятного вида мальчик лет так четырнадцати. Комиссия опаздывала на полтора часа.

Наконец, они появились, все трое, с усталыми от комсомольской работы лицами. Они бросили что-то вроде «здрст» на приветствие кандидатов в члены ВЛКСМ и скрылись в кабинете.

– С бодуна ребята, – с сочувствием в голосе сказала одна из девиц.

Широчка не знала, где у них в районе находится Бодун, но, судя по уставшему виду комсомольских вожаков и столь длительному опозданию, она решила, что это где-то очень далеко, и ей стало искренне жаль комсомольцев.

– Надо было пивасика взять, – продолжила тему та же девица.

– Кто ж знал, – ответила ей подруга.

– Может, сходим сейчас?

– А вдруг не успеем?

– За это, думаю, простят.

Но тут дверь открылась, и Паша пригласил всех внутрь. Комиссары располагались все трое за одним столом, покрытым настоящим красным кумачом, а кандидаты уселись на стульчики, стоящие вдоль стен кабинета. Кумач выглядел настоящим воплощением истории комсомола. Подпалины от забытых сигарет и нечаянно оброненных кропалей олицетворяли тяжёлую, а временами мучительно невыносимую жизнь трудового народа в условиях жестокой эксплуатации, которой душили народ помещики и капиталисты. Кровь дефлорированных на кумаче юных помощниц партии олицетворяла кровь борцов за свободу, равенство, братство, и мир во всем Мире. Следы вина служили символом радости побед, а обильное семя комсомольских вожаков олицетворяло светлое будущее.

– Начнём, – сказал секретарь горкома и сделал большой глоток прямо из графина.

– Кто первый? – спросил просто секретарь комиссии.

– Пусть он, – предложил шустрик и вытолкнул детину на середину комнаты. Детина сконфузился, отчего пустил сразу струйку слюны изо рта и большую зелёную соплю из носа. Сопля шумно упала на пол кабинета, и, сконфузившись ещё сильнее, детина громко пукнул.

– Фио? – спросил, морщась, секретарь.

– Не а.

– Что не а?

– Я не Фио.

– Не Фио?

– Он Гном, – ответил за детину шустрик.

– Гном? – удивился секретарь горкома.

– Почему Гном? – спросил просто секретарь.

- Потому что все его гномят, – вновь ответил за Гнома шустрик.
 - И как же тебя гномят? – спросил секретарь.
 - Кто как, – продолжал отвечать шустрик, – кто поджопник отпустит, кто какашками закидает, а Васька с Петькой, так те его письками затыкивают.
 - Как затыкивают? – удивился секретарь.
 - Петька в задницу, а Васька в рот.
 - Он говорит, что это игра в мороженое, – заговорил, наконец, детина. – А когда я научусь правильно лизать мороженое у Васьки, он мне настоящее купит.
 - А тебе нравится эта игра? – оживился секретарь горкома.
 - Сначала больно было, а потом привык. Больно мороженого хочется.
 - Так любишь мороженое?
 - Очень, – детина улыбнулся во всю пасть, и на рубашку упали сразу две струйки слюны.
 - У меня больше вопросов нет.
- Следующей встали неприличные девицы. Сразу обе.
- Космодемидовская Зоя Гербертовна, – представилась одна из них.
 - Надежда Константиновна...
 - Крупская? – перебил её секретарь.
 - Зачем сразу Крупская? Я Коньячкина.
 - Место работы или учёбы?
 - Фойе гостиницы «Интурист».
 - Должность.
 - Минетчицы мы.
 - Бледи, что ли?
 - Сам ты бледь! – оскорбилась Зоя. – Блеть – это развратная приспешница империализма, а мы, может быть, вынуждены сосать буржуйские суи, чтобы помочь детям-сиротам из детдома № 5.
 - Вы помогаете детям?
 - Мы взяли шефство над детдомом, – гордо сказала Надя.
 - Что ж, это похвально. Следующий.
- Аккуратного мальчика звали Тимур. Подобно легендарному тёзке, он организовал пионерскую команду для помощи одиноким старикам. Решив не размениваться на пустяки, в ночь на седьмое ноября они забрались в супермаркет буржуа и жмота Рачкина. Пионеры взяли еду и тёплые вещи, которые той же ночью незаметно подбросили в дома к старикам – вот утром порадуются. Утром же радостную новость старикам принесла милиция со специальной собакой. Отморозкову потом долго пришлось разбивать в кровь кулаки и ноги о старческие тела, выбивая из них признание. К Тимуру вопросов не было.
- Фамилия? – обратился секретарь к шустрику.
 - Я не, я с ним за компанию, у меня ещё пока дома все.
- Новоиспечённые комсомольцы осуждающе посмотрели на шустрика.
- Как знаете, молодой человек. А к тебе, Широка, у нас вопросов нет. Ты доказала свою любовь к Родине, – сказал Паша.
 - Итак, – взял слово секретарь горкома комсомола, – поздравляю. Вы все приняты в ряды ВЛКСМ, кроме некоторых, – он гневно заклеил взглядом шустрика, – билеты получите позже, на торжественном собрании, а сейчас все свободны.
 - Зочка и Надечка, останьтесь, – сказал секретарь.
 - И ты, Гном, тоже, – добавил секретарь горкома.

Как хоронили бабушку

– Я скоро умру, – сказала бабушка за обедом, на который специально для этого собрала всех родственников и друзей, – а именно десятого мая.

– Но мама, сейчас только конец апреля, да и ты чувствуешь себя хорошо, – вступила в разговор Широшкина мама.

– Это неважно, – отмахнулась бабушка.

– Но почему десятого мая? – не унималась Широшкина мама.

– А потому, дочка, что десятого мая заканчиваются праздники. Проснётесь вы утром, головы большие-пребольные, пить вроде бы уже и не резон, а тут годовщина моей смерти. Помянете вы меня добрым словом, да и чем покрепче, и мне хорошо, и вам не так тяжело.

– Похороны – штука серьёзная, – поддержал бабушку дед Напас, набивая трубку своим фирменным табачком, смешанным с оконной замазкой. Замазку Напас делал сам. Пойдёт на конопляное поле, соберёт массу, похожую на тёмный душистый пластилин, замажет ею щели в окнах, а зимой, когда стоит лютый мороз, и кроме как сидеть в хате и смотреть на заледенелое стекло, делать больше и нечего, или весной, когда светит солнышко и пахнет свежими древесными почками, отколупает кусочек замазки, и в трубку. Покурит-покурит, и улыбается радостно.

– Ведь что такое похороны? Это проводы человека в мир иной, так сказать, последний штрих в таинстве смерти. А жизнь и смерть – как две стороны одной газеты. С одной стороны, положим – жизнь, с другой, стало быть, смерть. Ткнул пальцем в газету, и ты на другой стороне. Куда ткнул, там и оказался. Вот мы, когда могилу роём, мы этой лопатой дырку в газете и рвём, – принялся философствовать он.

– Да, но как ты можешь знать о своей смерти заранее? – не унималась Широшкина мама.

– Ваше дело меня похоронить по-людски, а как я помирать буду, это моё дело.

– Что ты ещё задумала? – встревожилась Широшкина мама.

– Да ничего я не задумала! – обиделась бабушка. – Не стану я грех на душу брать.

– Но ведь ещё почти две недели.

– Вот и славно, а то помирают внезапно, даже не предупредив родственников, и приходится тем носиться, как укушенным. А тут заранее, по-божески. И не спорьте со мной, я так решила.

Начать решили с поминок, вернее, решила бабушка. Как её ни пытались отговорить, она ничего не хотела слушать:

– В кои веки соберётесь, чтобы сказать обо мне чего хорошее, а я и не услышу уже. Не пойдёт! Может, я тоже хочу за упокой с вами выпить.

– Мама, но так нехорошо, так никто не делает.

– А «горько» кричать, когда родственники с покойным прощаются, хорошо? (Отморозков уткнулся в тарелку) или совать музыкантам трёшку, чтобы они семь-сорок сыграли?

– Всё бы тебе попрекать, – обиделся Напас.

– Попрекать? А ты бы не водил хоровод вокруг гроба, да не орал: «В лесу родилась ёлочка». Тоже мне, дед-Маразм.

Больше с бабушкой никто спорить не захотел, и поминки решили назначить на тридцатое апреля.

Таких цивилизных поминок в городе ещё не было. Бабушка сидела во главе стола в высоком кресле, похожем на театральный трон. Над её головой красовался венок с заупокойными словами. Рядом, на столе, горела свеча. Гости входили, кланялись бабушке, говорили: «Землица вам пухом», – и целовали в лоб. За столом говорили всё больше о бабушке и, в основном, хорошее. Иногда, для смеха, вспоминали кое-какие курьёзы, но лишь те, о которых бабушка и

сама любила рассказывать. Обстановка царила настолько торжественной, что дед Напас вспомнил о революции, участником которой он, вроде бы, случился.

– Представляете, – говорил он, – седьмое ноября, и никакой водки, во всём Петрограде. А какое седьмое ноября без водки? То-то и оно. В Питере водки нет, в Кронштадте нет, нигде нет. Моряки было прислали за водкой «Аврору», но водки нигде нет. Жуть! А мы тогда с покойным Михеем на «Авроре» как раз и служили. Я совсем ещё юным, юнгой, как говорят на флоте. Морячки все на берег сошли, водку ищут, а нас, несколько человек, в карауле оставили. Вот караулим мы, значит, ту самую пушку, а на посту как раз паренёк стоял новый, деревенский. Ну, и заснул он у орудия. Решили мы над ним подшутить. Взяли ботинок, обмазали дерьмом, пришлось нам на палубе потужиться, и ему на лицо, значит. А верёвку к пушке привязали, куда следует. Проснулся он, видит такое дело, и швыряет тот говнодав как можно дальше. Тут пушка и рванула. В Петербурге от взрыва все вздрогнули, а одного мужика, маленького, в кепке, осенило. Айда, говорит, в Зимний, там водка точно есть. Зря, что ли, временное правительство там заседает? Они там народную водку жрут! Так и получилось.

В общем, поминками все остались довольны.

Десятого числа в назначенное время бабушка с мегафоном в руках уселась в гроб, который поставили в убранный цветами кузов грузовика, заиграла музыка, завыли плакальщицы, и процессия тронулась в путь. Торжественная, надо сказать, получилась процессия. Все идут в трауре, цветы под колёса кидают, музыканты играют жалостливо, как никогда, тётки воют, причитают. Бабушка через мегафон прощается со знакомыми. Доехали почти до кладбища, и тут бабушке не понравилось что-то.

– Стойте, – кричит, – не хочу я под похоронный марш хорониться. Так и смерть мне не в радость будет, а хочу я, как негры в Бруклине, под диксиленд уходить.

Вернулись назад, и пошли уже под диксиленд. Не то, совсем не то получается. Не могут плакальщицы в тон диксиленду плакать, не привыкли они. Пришлось разогнать плакальщиц, а вместо них пригласить танцовщиц из ночного клуба. Опять не то. В конце концов, решили отказаться и от траура.

Идут впереди танцовщицы в бикини, за ними оркестр джаз наяривает, дальше бабушка в гробу танцует, а следом уже родственники и друзья усопшей. Идут, шампанским стреляют, танцуют, песни поют. Замечательные получились похороны.

Лабораторная работа

Шёл классный час. Анна Николаевна что-то рассказывала об успехах её прошлого класса на конкурсе самодеятельности.

В последнее время, которое длилось почти весь 10 класс, каждый классный час начинался словами:

– И послал же мне бог таких уродов!

После чего шёл рассказ о предыдущем выпуске, в котором почти все, со слов учительницы, были ангелочками.

Было, как всегда, скучно, и Широка занималась тем, что любовно подкармливала паучка Петровича специально приготовленными для классного часа мухами. Петрович трапезничал и махал Широке лапкой, отчего у неё на сердце становилось теплей. Петровича в классе любили и уважали, а так как класс убирали сами дети, убеждаясь на своей шкуре в том, что в нашей стране нет рабского детского труда, Петровича никто не трогал. Иногда, правда, когда его паутина становилась совсем старой и ни на что не годной, её сметали веником, пересадив предварительно Петровича на новое место. Петрович на это не обижался. Он плёл себе новую чистую и замечательную паутину, и ждал в ней, когда дети принесут ему новых вкусных мух.

В дверь уверенно постучали.

– Войдите, – крикнула Анна Николаевна, но со стула не встала.

Дверь отворилась, и в класс вошёл настоящий терминатор со свирепым выражением лица, на котором играла ласковая улыбка. Такой диссонанс не мог остаться незамеченным.

– Здравствуйте, – обратился он к Анне Николаевне. – Вы позволите сделать небольшое объявление?

– Пожалуйста, – ответила Анна Николаевна и показала детям кулак за то, что они не встали и не сказали хором, слегка нараспев: «здравствуйте».

– Здравствуйте дети, – поздоровался вошедший.

– Здравствуйте, – ответили дети.

– Послушайте объявление. Я – ваш новый учитель биологии Гаркин Валентин Трифонович. Завтра у нас с вами лабораторная работа по теме: «Запись кардиограммы лягушки». Для этой работы вам необходимо до завтрашнего дня найти несколько лягушек. Знаете, как добыть лягушку?

Дети молчали.

– Так вот, чтобы добыть лягушку, берём телефонный справочник, открываем его на букву «л»... В нашем городке Лягушек нет. Это проверенная информация. Но в деревне Глюковка проживает целых три семьи Лягушек, о чём свидетельствует всё тот же телефонный справочник. Уяснили? Далее... Теперь вам необходимо их поймать. Ловить Лягушек лучше группами по несколько человек. Для этого вам необходимо вооружиться или приборами электрошока или газовыми баллончиками и наручниками. Если таковых не будет, сойдут и прочные верёвки. Что вам надо сделать: приезжаете в деревню, находите по адресу Лягушек, устанавливаете их личность. Паспорт они, конечно, вам не станут показывать, но можно удостовериться и со слов. После того, как вы убедитесь, что перед вами именно Лягушки, а не какие-нибудь Сахаридзе, обрабатываете их электрошоком или газом, соблюдая все меры предосторожности. После этого надеваете на них наручники или вяжете верёвками, и везёте в школу в кабинет биологии. Вопросы есть?

Вопросов не было.

– Вот и хорошо. Буду ждать вас с уловом в кабинете биологии.

– Вы точно всё поняли? – строго спросила Анна Николаевна, ни на секунду не забывая, что это не её прошлый выпуск.

– А что тут непонятного? – ответил Алек Пекарь, который был филателистом.

Не проходило ни дня, чтобы он не брал с собой в школу какую-нибудь марку, а то и несколько, для друзей. Он долго любовался маркой, потом тщательно вылизывал её со всех сторон. Иногда даже глотал. Обычно это происходило на первом уроке, после чего он сидел до конца дня с блаженным выражением лица и очень внимательно слушал педагогов. В тетрадях у него, правда, отыскивались надписи, больше соответствующие китайским иероглифам или древней клинописи, нежели словам на русском языке.

Лягушки жили в двух небольших домах, расположенных напротив друг друга через улицу. Решили брать всех сразу. Ребята, взявшие по случаю родительские машины, залегли в кустах, а Широка со своей лучшей подругой Леной постучали дверь. Им открыла пожилая женщина с угрюмым лицом.

– Простите, Вы Лягушка? – спросила Широка.

– А вы кто такие? – подозрительно поинтересовалась женщина.

– Мы из школьного комитета, – нашла Лена.

– Из комитета, говорите?

– Из комитета, – строго сказала Широка, – так вы лягушка или нет?

– Ну, если из комитета, то Лягушка, – согласилась Женщина.

– Тогда у нас есть кое-что для вас, – сказала Леночка и брызнула Лягушке в лицо нервно-паралитическим газом.

Лягушка рухнула, как подкошенная. В ту же секунду группа захвата, надев предварительно противогазы, взятые напрокат в кабинете НВП, ворвалась в дом, обрабатывая всех направо и налево газом.

Минут через пять Широка и Лена стучались уже в дом напротив.

А ещё через полчаса три автомобиля с набитыми Лягушками багажниками мчались по направлению к школе.

– Хороши, ничего не скажешь, – новый учитель по биологии был доволен. – Как говорил нам майор Истомина: «Самое главное в розыскной работе – вовремя замести следы».

– А вы из розыска? – поинтересовалась кокетливо Лена.

– Из розыска.

– А к нам какими судьбами?

– Да перестарался вот, на допросе с подозреваемым... Ему-то чего, его в гроб и на кладбище, а мне начальник так прямо и сказал: «Тебе, говорит, Гаркин со своими зверскими замашками только с детьми и работать». Сказал и перевёл меня в школу. Ладно, этих, пока не очухались, – он ткнул ногой одну из Лягушек, – в подвал, и до утра.

Утром, минут за десять до начала урока, все дети сидели на своих местах. Пришли даже больные, шальные и прочие любители не ходить на уроки. В классе было тихо. За пять минут до начала урока вошёл учитель, ведя на верёвке молодую, лет двенадцати, пухленькую Лягушку.

– Здравствуйте, дети.

– Здравствуйте.

– Садитесь, пожалуйста. Начнём? Откройте тетради, напишите число. Дальше идёт «Лабораторная работа № 5. Запись кардиограммы лягушки». Записали? Теперь теоретическое обоснование: Сердце играет роль нагнетательного насоса, создающего давление для обеспечения движения крови с определённой скоростью по кровеносным сосудам... Ну, это, надеюсь, вам понятно. Цель работы: Задача работы заключается в ознакомлении с методикой регистрации сердечных сокращений или кардиограммы. Оборудование: Комплексная электрофизическая установка, серфин, ножницы, препаратная доска... гм. Ты и ты, – он ткнул пальцем в двух учеников покрепче, – составьте столы, чтобы Лягушка могла поместиться... Теперь ход работы... Ни суя себе! – вырвалось у учителя. – Да такого я даже от батянки, царство ему

небесное, не слышал, а он без малого тридцать лет в органах! Ход работы. Лягушку обездвигивают разрушением спинного мозга. Есть желающие?

Желающих в классе не нашлось.

– Гегемон, – нашёл учитель фамилию в журнале.

– Здесь, – ответил небольшой парнишка интеллигентного вида.

– Как мы будем разрушать спинной мозг?

– Надо ввести острый предмет между позвонками.

– Действуй.

– Вы мне поможете? А то я один её не осилю.

– Хорошо. Считай, что я твой ассистент.

Гегемон с учителем уложили мычащую (ей предварительно заклеили рот скотчем) и брыкающуюся Лягушку животом на стол.

– Может, ей по голове чем дать, чтобы не брыкалась? – поинтересовался Гегемон.

– Я тебе покажу по голове! В руководстве о наркозе ни слова. Делай так, заодно сразу поймёшь, когда будет разрушен спинной мозг.

– Хорошо, я попробую, – с этими словами гегемон изловчился и пырнул Лягушку ножом в спину.

Она в последний раз хрюкнула и затихла.

– Молодец, Гегемон. Отлично. Следующим идёт... Конкин.

Конкин оказался здоровым детиной-переростком с достойной толщины лобовой броней, плавно переходящей в затылочные кости.

– «Лягушку прикалывают к дощечке спиной вниз, вскрывают грудную клетку...» Так, Конкин, дуй в кабинет труда за гвоздями, молотком и «болгаркой». Да, захвати ещё каких-нибудь струбцин или зажимов. Кровищи будет...

Конкин вернулся через минуту, он весь взмок от груды инструментов, которые ему дал учитель труда и давний «клиент» Гаркина.

– Переворачиваем. На раз, два, три...

Учитель с Конкиным перевернули Лягушку на спину.

– Как прибавать будем? – спросил Конкин.

– А как Иисуса Христа. Крест-накрест.

Конкин легко справился с заданием, согнув только один гвоздь, который никак не хотел входить в голень Лягушке. Он уже собирался садиться на место, когда учитель его остановил:

– А кто будет грудь вскрывать? Я, что ли?

Завизжала «Болгарка». Диск с довольным урчанием вгрызся в Лягушкину грудину, разбрасывая по сторонам брызги крови и костей.

– Смотри, чтобы не замкнуло, – предостерёг его Гаркин.

Наконец, грудина была перерезана, а все кровотокающие сосуды зажаты струбцинами.

– Идите все сюда. Смотрите, как бьётся сердце, и работают лёгкие.

Дети, шумно обсуждая происходящее, столпились возле стола. Они не видели ничего подобного.

– Дальше я сам.

Учитель ловко вскрыл сердечную сумку, перевязал и перерезал уздечку. К верхушке сердца он прикрепил серфин. Нитку, идущую от серфина, соединил с тензометрическим датчиком. Включил приборы...

– Обязательно буду учительницей, – решила Широка, убирая класс, – это, наверное, самая увлекательная профессия.

И она была права.

Первое сентября

Широчка окончила школу и поступила в Государственный Педагогический Университет. Начиналась практика, и Широчка вновь оказалась в стенах родной школы. Прошло каких-то два или три года со дня её успешного окончания, а как всё изменилось. Не было больше ни пионеров, ни комсомольцев, ни октябрят. Не было больше Ленина и, соответственно, ленинской комнаты. Там сделали комнату отдыха для учителей с большим аквариумом, удобными креслами и новыми дорогими столами. Здесь даже стоял очень дорогой и совершенно новый компьютер.

За компьютером сидел школьный приятель Широчки – Вова Семимильный.

– Привет! – сказала Широчка, входя в бывшую ленинскую комнату.

– Привет! Поразительно выглядишь.

– Спасибо.

– Какими судьбами?

– Буду здесь практику проходить.

– Это хорошо. А то без тебя как-то скучно.

– Чем занимаешься?

– Отлаживаю специальную компьютерную игру для учителей. «Первое сентября».

– Интересно. О чём игра?

– О школе, естественно.

– Покажи.

– Садись поближе.

Вова включил компьютер, и после всех положенных при загрузке циферок, буковок и заставок, на экране появилась заставка игры.

– Ничего себе! – воскликнула Широчка.

Заставка действительно была великолепной: лунная ночь, чистое звёздное небо... На переднем плане горящая школа, а поверх всего надпись: ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ!!!!!!!!!!

– Нравится? – спросил Широчку Вова.

– Ещё бы! Давно мечтала увидеть такое.

– Подожди, сейчас звук включу. Пожар, как настоящий.

–Stereo?

– Пять-один, – гордо ответил Вова.

– Здорово!

– Смотри дальше.

Вова нажал ещё одну клавишу.

Экран стал совершенно чёрным. Зазвонил телефон.

– Кого там ещё среди ночи, – послышался раздражённый мужской голос.

Вспыхнул свет, и на экране появился фрагмент комнаты, а точнее, спальни. Рядом с кроватью стояла тумбочка, на которой и был телефон. Над тумбочкой горел ночник. Всклокоченный мужчина средних лет взял телефонную трубку.

– Алло! Это директор школы? – спросила трубка.

– Да, а что? – сонно спросил директор.

– В школу проникла группа детей. Срочно выезжайте.

– Хорошо. Сейчас буду.

Директор бросает трубку, спешно одевается и выходит из дома. У подъезда его ждёт асфальтовый каток. Директор садится за руль. Громко ревет мотор. Во всех окнах загорается свет...

Загрузка.

– Первый уровень – дорога в школу. Требуется переехать как можно больше деток, – сообщил Вова.

– Какой ужас! – воскликнула Широчка и поморщилась.

– Да нет. Это не примитивная давилка. Здесь шикарная графика, да и детки под катком. . .

Вот смотри.

Графика действительно была превосходная. Дорога, каток, дети. . . Всё словно по телевизору.

– Примерно минута отводится на обучение управлением катком. Всё просто. Рассчитано даже на учительницу по природоведению, – говоря это, Вова красиво вписывался в повороты. – А вот сейчас пойдут дети.

Дети сидели на дороге и рисовали что-то мелом. Были они совсем маленькими, лет пяти-шести.

– Смотри, как здорово! – с этими словами он ловко вырулил на смешного карапуза в коротких штанишках.

– Мама! – пискнул тот и упал под каток.

Послышался хлопок, и в разные стороны полетели брызги крови и ещё чего-то, наверно, мозгов.

– Правда, прикольно? Я специально метил на голову, чтобы смешней.

Не успел каток очиститься от крови, как Вова догнал следующую жертву, милую девочку в платьице с медвежатами. Её он переехал всю, с ног до головы, чтобы Широчка могла насладиться реалистичным хрустом костей.

После десятого ребёнка компьютер заиграл туш.

– Установлен новый рекорд первого уровня, – пояснил Вовик. – А теперь уровень два.

Школа.

Возле школы сиротливо стоял милицейский «Бобик», который Вовик подмял под каток.

– Не хрен занимать директорскую стоянку.

Директор, словно ковбой с боевого коня, лихо соскочил с катка на землю, взял из ящика с инструментом внушительную монтировку и вошёл в школу.

Возле порога кто-то вывел корявым детским почерком: «Попробуй найти рацию, сука».

– Это подсказка.

– Здрасьте! – к директору подбежал мальчик лет восьми.

– Надо бить точно по голове, – сказал Вовик, и обрушил на голову мальчика монтировку.

Голова с весёлым хрустом раскололась надвое, а на стены полетели брызги крови и мозгов.

– А если не попасть? – спросила Широчка.

– Смотри, – и Вовик с силой ударил девочку монтировкой по плечу.

Раздался хруст костей.

– Мудак, – пропищала девочка, и убежала прочь.

– Теперь она будет мстить на следующем уровне.

Директор ходил по кабинетам, бил детей по головам монтировкой, и от каждого удачного удара, от весёлого, радостного хруста расколотых черепов у Широчки становилось радостно на душе.

Рация лежала на учительском столе в кабинете географии.

– Ключ. . . вожатая. . . ключ. . . вожатая. . . – несколько раз повторила рация и замолчала.

– Теперь надо найти вожатую.

Не доходя до лестницы, они обнаружили массивную рогатку и коробочку с шариками и гаечками для неё.

– На втором этаже детки вооружены рогатками. Там нам надо быть осторожней.

Над головой директора просвистел пущенный кем-то камень, а через мгновение из-за угла показалась веснушчатая физиономия. Вовик метко пустил гайку прямо между детских глаз. Раздался звук битого стекла, из глазниц выпали глаза, и, словно теннисные шарики, покатились, подпрыгивая по полу.

– Видала?

– Вот бы и в жизни так!

– Увы.

Вожатая, прикинутая как проститутка, курила в учительской, стряхивая пепел в аквариум с любимыми рыбками учительницы по географии.

– Хочешь сладкого, козлик? – томно спросила она, когда директор вошёл в комнату.

– А вот в неё стрелять нельзя, иначе останешься без ключа, и всё придётся начинать заново.

Он подвёл директора вплотную к вожатой и нажал «ентер». Директор повалил вожатую на стол и вонзил в неё огромный, не менее полуметра, член. Она застонала, по экрану прошли разноцветные круги.

– Остальные уровни ещё не совсем отлажены. Зато могу показать финал.

– Показывай.

Они оказались в школьном дворе. Посреди двора стоял привязанный к столбу милиционер, обложенный дровами.

– А это ещё что?

– Субботник. Сжигание мусора. Почётное право финалиста.

Директор подошёл к костру, чиркнул спичкой. Милиционер на костре запел: «Наша служба и опасна и трудна».

– Всё, – грустно сказал Вова.

– Жаль, что это только игра, – прошептала Широчка, и её глазки мечтательно заблестели.

Волшебник страны ноль три

Широчка заканчивала проверять тетради. Было далеко за полночь. Голова гудела, детские каракули напоздали один на другой, и было вообще мутно по причине бесполезной растраты столь драгоценной молодости.

Работала Широчка учительницей в самой обыкновенной средней школе, и преподавала русский с литературой самым обыкновенным средним детям, которым до этого самого русского и литературы не было никакого дела. И это верно. Какой нормальный ребёнок станет добровольно гробить здоровье, читая Бунина или Толстого, когда на улице прекрасная погода, а голова полна свежих идей! Поэтому дети делали вид, что читают, а Широчка делала вид, что им верит. Она сама росла вполне нормальным ребёнком, и тоже никогда не читала подобную муть.

Чтобы хоть как-то себя развлечь и снять становящееся всё более невыносимым напряжение, Широчка периодически закуривала длинную папироску, в которой с табаком была перемешана душистая зелёная травка. «Фитотерапия – залог здоровья и долголетия», – любил говорить Анатолий Георгиевич, учитель физкультуры и большой любитель трав, будь то ёлочки, цветочки или грибки. Он никогда не приходил на урок без предварительной профилактики здоровья, отчего уроки физкультуры наполнялись ярким и весьма разнообразным содержанием.

Оставалось что-то около трёх тетрадей, когда Широчка услышала над ухом вкрадчивый шёпот:

– О многоуважаемая Широчка! Отвлекись от забот и удели нам, пожалуйста, немного драгоценного времени.

Широчка буквально подпрыгнула от неожиданности. Ещё бы! В квартире она осталась одна.

– Прости, Широчка, мы не хотели тебя пугать.

На Широчкином столе сидела маленькая, не более тридцати сантиметров ростом, страшенькая, полностью покрытая короткой шерсткой девочка, рядом с которой стояло непонятного вида существо с выпученными глазами и зашитым суровыми нитками ртом. Существо тоже не более тридцати сантиметров ростом.

– Вы кто?

– Я Шиза, а это, – девочка указала на существо, Ворчун.

– Ворчун?

– Ну да. Он всё время ворчит.

– Поэтому у него зашит рот?

– Суровые нитки – часть его физиологии. К тому же он прекрасно ворчит и с зашитым ртом.

– Не думаю, что можно ворчать с зашитым ртом.

– Скоро ты поймёшь, что можно.

– А ты, значит, моя Шиза.

– Я не твоя Шиза. Это кошечки-собачки бывают чьими-то, а Шиза у всех одна.

– И сегодня ты посетила меня.

– У нас неприятности. А тебя мне посоветовал старина Глюк.

– Как он поживает?

– Да ничего вроде. Велел тебе кланяться и передавать привет.

– Спасибо.

– Не за что. Ты нам поможешь?

– Не знаю.

– Она, видите ли, не знает! – пробурчал Ворчун.

Он ворчал, не говоря ни слова. Его молчание было настолько красноречивым, что само превращалось в слова.

– Помолчи! – рявкнула на него Шиза и умело двинула ногой в бок. Видно, не в первый раз.

– Ты, наверно, слышала, что на земле периодически рождаются люди, которых называют странным словом Будда, – спросила Шиза, словно принимала у Широшки экзамен.

Широшка кивнула.

– Так вот, эти Будды устроили так, что раз в двадцать пять веков кому-то надо заново запускать колесо дхармы, чтобы наш Мир мог спокойно существовать следующие двадцать пять веков. Дело в том, что эти двадцать пять веков истекают ровно в третью среду следующего месяца в 16–38. До этого момента кто-то должен запустить колесо дхармы, иначе...

– Не кто-то, а только Будда, – перебил Шизу Ворчун.

– Ну а при чём здесь я? – поинтересовалась Широшка.

– Дело в том, что случилось несчастье... – продолжила Шиза.

– Тоже мне, горе. Не хрен шляться, где не положено. Тем более если ты Будда, – не дал ей договорить Ворчун.

Шиза вновь ловко пнула Ворчуна ногой, после чего продолжила рассказ:

– Жила-была в городе Валентина Арсеньевна Колосюк. Работала она в городской парикмахерской мастером маникюра и педикюра. Лучше неё никто не мог справиться с ногтями и мозолями, поэтому все в городе стремились попасть именно к ней. И вот в прошлом году накануне 8 марта у неё скопилось столько желающих, что ей пришлось трудиться 49 часов 16 минут и 8 секунд.

– В сумме получается 73, – сообщил Ворчун.

– Верно, Ворчун. А если сложить, получится 10 или один и ноль, – поддержала его Широшка.

– Полная бесперспективность, – сделал вывод Ворчун.

– Закончи она работу на секунду раньше, ничего бы и не случилось, – попыталась продолжить рассказ Шиза.

– Или на секунду позже, – вставил Ворчун.

– Или на секунду позже. Но произошло то, что произошло. Сознание Валентины Арсеньевны помутилось, и она превратилась в ночного маньяка. Каждую ночь она стала выходить на охоту. Она ловила одиноких женщин и, приговаривая: «Вот тебе, сука, маникюр», – отрезала беднягам все пальцы старыми садовыми ножницами, ржавые лезвия которых были буквально усеяны столбняком.

– Какой ужас! – воскликнула Широшка. – И что, никто-никто не мог её опознать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.